

УДК 348.9

ББК 67.3(2)52

Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко

Алтайский государственный университет (Барнаул, РФ)

**ВОПРОС ОБ ОСОБОМ ДУХОВНОМ ПРАВЛЕНИИ
МУСУЛЬМАН ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СИСТЕМЕ
АДМИНИСТРИРОВАНИЯ РЕГИОНОМ
(вторая половина XIX – начало XX в.)***

Представлен анализ позиции центральных и региональных органов власти на проблему создания в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах Российской империи Духовного правления, призванного координировать жизнедеятельность мусульманских общин региона. Во второй половине XIX в. ходатайства коренного населения об открытии данного учреждения обосновывались существованием аналогичных Духовных правлений у мусульман Крыма, Кавказа и Поволжья. Однако политика государства в вопросе регулирования ислама в центральноазиатских национальных окраинах носила ограничительный характер. Поэтому положительное решение данного вопроса об учреждении в регионе искусственно сдерживалось властями вплоть до 1917 г.

Ключевые слова: *Российская империя, Степной край, Туркестан, ислам.*

Yu.A. Lysenko, M.F. Lysenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

**LEGAL STATUS OF MUSLIMS IN CENTRAL ASIAN
SUBURBS OF THE RUSSIAN EMPIRE
AND “MUSLIM QUESTION” IN SYSTEM
OF ADMINISTRATION BY THE REGION
(the second half of XIX – the beginning of the XX century)**

The analysis of a position of the central and regional authorities on a creation problem in Steppe and Turkestan general governorships of the Russian Empire of the Spiritual board that urged to coordinate activity of Muslim communities of the region is presented in the article. In the second half of the XIX century indigenous people petitioned for opening of this establishment. They explained it with existence of similar Spiritual boards at Muslims of the Crimea, the Caucasus and the Volga region. However the policy of the state in a question of regulation of Islam in Central Asian national suburbs had restrictive character. Therefore the positive solution of the matter on establishment in the region artificially restrained the authorities up to 1917.

Key words: *Russian Empire, Steppes, Turkestan, Islam.*

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект №15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

На рубеже XVIII–XIX вв. Россия следовала курсу интеграции мусульманских национально-территориальных окраин в политико-правовое и социально-экономическое пространство империи. В рамках данной политики использовался огромный арсенал методов и средств, одним из которых стало поэтапное формирование органов управления мусульманами России, унификация и структуризация исламских институтов с последующим распространением на них общеимперского законодательства. Первые конкретные шаги в этом направлении были предприняты в 1788 г. и связаны с созданием Оренбургского мусульманского духовного собрания (ОМДС), юрисдикция которого распространялась на всех мусульман страны. После присоединения к России Крыма в 1794 г. было объявлено о создании Таврического мусульманского духовного правления, которому был передан контроль над религиозными делами европейских мусульман империи. В первые десятилетия XIX в. начались подготовительные работы по созданию управлений суннитской и шиитской общинами Закавказья, успешно завершившиеся в 1872 г.

Первая половина XIX в. стала временем принятия значительного количества законодательных актов, регламентирующих функционирование исламских структур в России. Так, в 1801 г. было создано Центральное управление духовных дел, обязанностями которого стала координация деятельности иностранных (неправославных) исповеданий в государстве. После ряда реорганизаций в 1832 г. данное Управление было переименовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий и просуществовало вплоть до 1917 г. в составе МВД. В 1857 г. в рамках разработки общеимперского законодательства Александр II утвердил «Устав духовных дел иностранных исповеданий», один из разделов которого посвящался мусульманам [1].

Его подробный анализ уже проводился в исследованиях отдельных авторов [2]. Отметим лишь, что все вопросы функ-

ционирования иностранных религий по Уставу решались их «духовными властями и особыми правительственными, верховною властью к сему предназначенными». Деятельностью этих структур руководили МВД и местные государственные органы (ст. 3). В соответствии с Уставом назначение на духовные должности конфессиональных организаций в Российской империи относилось к компетенции государственной власти. Высшее духовенство назначалось непосредственно императором. Остальные духовные лица назначались и утверждались МИД или губернскими властями. На местные органы власти возлагался административный надзор за деятельностью духовенства иностранных исповеданий, за точным исполнением им законов и распоряжений правительства.

Устав также обязывал органы церковного управления всех вероисповеданий и духовенство, которое приносило присягу на верность царю и его наследнику, охранять «все священные права и преимущества его императорского величества и законы государства». Всем священнослужителям вменялись в обязанность различного рода полицейские функции. Так, согласно закону, мусульманское духовенство обязывалось доносить местному начальству «о случаях обнаружения между мусульманами вредных и нетерпимых правительством толкований и учений или неблагонамеренных разглашений», отвращая вместе с тем «от оных вразумлениями и увещеваниями» (ст. 1427, 1435).

Для семей священнослужителей иностранных исповеданий предусматривался ряд льгот. Например, сыновья духовных лиц христианских исповеданий, высшего мусульманского духовенства и караимов имели, наряду с сыновьями потомственных дворян, преимущественное право по сравнению с другими лицами поступления на государственную службу и получали после занятия должности более высокое звание. Шиитское и суннитское духовенство во время занятия духовных должностей освобождалось от уплаты казенных по-

винностей. Эта льгота распространялась и на их детей. Духовенство Оренбургского мусульманского округа не освобождалось от налогов, но закон предоставлял им право перекладывать их уплату на горожан (ст. 1419).

По Уставу мусульманское духовенство, мечети и духовные училища содержались за счет приходских (мечетских) обществ, доходов от движимого и недвижимого имущества конфессиональных организаций (вакуфов) и их денежных капиталов. Приобретение этими организациями недвижимого имущества, его продажа и обмен допускались с разрешения местных государственных органов. Вакуфы охранялись государством наравне с казенным имуществом. Государство даже частично покрывало расходы на содержание духовных управлений мусульман.

Религиозные дела казахов Степного края, включенных в этносоциальном плане в группу тюркско-мусульманских народов империи, были переданы в конце XVIII в. под юрисдикцию Оренбургского мусульманского духовного собрания. Последнему, по поручению генерал-губернатора Оренбургского края О.А. Игельстрома, было предписано организовать строительство мечетей и медресе в казахской степи и направить в регион татарских мулл для закрепления кочевников в единоверии. Включение казахов в сферу влияния ОМДС объективно способствовало их интеграции в общеимперское религиозное/мусульманское пространство и создавало условия для закрепления позиций ислама в Степном крае [3–4].

Однако в 60–70-е гг. XIX в. произошли кардинальные изменения в системе администрирования ислама в Степном крае. Важнейшим внешнеполитическим фактором, определившим содержание нового государственного курса в отношении данного региона стало расширение границ империи и включение в ее состав территорий со значительным по численности мусульманским населением. Так, в 60-е гг. XIX в. Россией были аннексированы территории

Старшего жуза и Кокандского ханства, заключены неравноправные договоры с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, установившие систему протектората над ними. В этот же период в состав государства окончательно был включен Кавказ. В результате этих внешнеполитических акций ислам стал второй по количеству своих адептов конфессией в империи: по Всероссийской переписи населения 1897 г. в стране насчитывалось 13 миллионов 889 тысяч его приверженцев.

Завершение присоединения Юго-Восточного Казахстана и захват Кокандского ханства привели к увеличению протяженности российской границы с китайской провинцией Синьцзян. Политика цинских властей в отношении мусульманского населения данной провинции носила дискриминационный характер и потому выступала мощным дестабилизирующим внутривнутриполитическим фактором. На протяжении первой половины XIX в. здесь неоднократно вспыхивали антиправительственные движения, принимавшие форму газавата – священной войны против неверных, т.е. ханьцев. Фактор границы юго-восточных рубежей Российской империи с мусульманским Синьцзяном стал рассматриваться как важная посылка для формирования государственной концепции в отношении ислама в целом и «центральноазиатского ислама» в частности. Серьезные последствия для судьбы российского ислама имела и весьма неудачная для России Крымская война 1853–1856 гг., которая значительно ослабила позиции империи в «восточном вопросе».

К числу важнейших внутривнутриполитических обстоятельств, оказавших значительное влияние на формирование основ политики в отношении ислама, относится рост национального сознания и общественно-политической активности мусульман России, неизменно наблюдавшийся на протяжении всего пореформенного периода. Институционализация интеграционных процессов мусульманских народов империи стала рассматриваться как фактор,

«способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи» [5, с. 7].

В силу указанных обстоятельств со второй половины XIX в. общеимперское законодательство, регламентирующее функционирование исламских институтов, приняло ограничительный характер. Наиболее показательным оно проявилось в решении вопроса о создании отдельного управления духовными делами мусульман Степного и образованного в 60-е гг. XIX в. Туркестанского генерал-губернаторств. На основании принятого в 1868 г. «Временного положения» об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями духовные дела казахов Степного края изымались из компетенции ОмДС. Заведование названными делами предоставлялось местным муллам (утверждаемым только из местной этнической среды – казахов), которые подчинялись общему Гражданскому управлению Министерства внутренних дел [6, с. 271]. В утвержденном 25 марта 1891 г. Положении об управлении Степным генерал-губернаторством сохранялось существующее положение – казахи-мусульмане были лишены возможности организации регионального органа управления их религиозными делами.

Аналогичные ограничительные нормы на законодательном уровне были введены и для мусульман Туркестана. Поскольку данный регион был включен в сферу влияния России, гораздо позднее, чем Степной край, – в 60–70-е гг. XIX в., интеграционные процессы только обозначились. Поэтому нормой администрирования краем стал отказ от демонтажа и глубокой деформации исламских структур, создания особого духовного правления. По Временному положению об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г., духовно-религиозные дела мусульман региона были переданы в ведение МВД России. Положение 1886 г. об управлении Туркестанским генерал-губернаторством, также оставило

без внимания вопрос об управлении духовными делами населения края. В одном из всеподданнейших отчетов Туркестанского края генерал-губернатор К.П. Кауфман отмечал: «Туркестанская администрация, устранившись от явного участия в религиозных делах населения, достигла того, что влияние мусульманского духовенства значительно ослабело не только среди оседлого населения – сартов, таджиков, но и среди кочевников в связи с тем, что представители духовной среды – муллы и ишаны – лишены были всяких привилегий и официального статуса и низведены были до общего уровня обывателей» [6, с. 281].

На рубеже XIX–XX вв. мусульманское население Степного края неоднократно обращалось в региональные и центральные государственные органы с ходатайством об открытии для них автономного Муфтиата либо передачи их религиозных дел в ведение Оренбургского мусульманского духовного собрания. Данные тенденции, безусловно, свидетельствовали об успешности процесса интеграции этого региона в общеимперское пространство и о формировании у казахов религиозной идентичности, позволяющей им отождествлять себя единым целым с мусульманами Российской империи. Однако следует подчеркнуть, что подобные ходатайства, как правило, оставались без ответа. Позиция Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в этом вопросе основывалась на необходимости сдерживания попыток консолидации мусульман империи. Подчеркивалось, что степень проникновения исламских догм и норм в религиозное сознание казахов и их повседневность незначительна, обращения об открытии Духовного мусульманского управления расценивались как «происки татарских мулл», эксплуатирующих к тому же «религиозное невежество казахов». Региональным органам власти рекомендовалось игнорировать подобные обращения [7].

В Туркестанском крае вопрос о создании особого управления духовными делами мусульман края поднимался са-

мой администрацией в 80–90-е гг. XIX в. Генерал-губернатору М.Г. Черняеву в этот период удалось разработать проект, который предлагал создание Духовного управления. Оно должно было состоять из восьми членов-мусульман и рассматривать дела мусульманской религии, вакуфов и конфессиональной школы и т.п. В каждой из трех областей генерал-губернаторства – Сыр-Дарьинской, Семиреченской и Закаспийской предлагалось учредить отдельные управления по духовным делам. Однако проект М.Г. Черняева не был одобрен правительством [8, л. 151].

Последующие администраторы края, признающие целесообразность создания специализированного ведомства, контролировавшего и координировавшего бы деятельность мусульманских общин Туркестана, неизменно наталкивались на противодействие со стороны Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Последнее было убеждено, что «создание особых органов по образцу уже существующих (Оренбургское и Таврическое мусульманские духовные собрания. – *Авт.*) нецелесообразно, так как это привело бы к укреплению и развитию магометанства в Туркестане».

События Первой русской революции 1905–1907 гг. и провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. не могли оставить без внимания правительства проблемы администрирования исламских институтов в центральноазиатских национальных окраинах. Вопрос «учреждения особых духовных управлений для казахов областей Семипалатинской, Акмолинской, Уральской и Тургайской» стал предметом специального обсуждения Особого совещания, созданного при Комитете министров в 1907 г. [9, л. 185]. В рамках дискуссии, длившейся несколько лет, военный губернатор Тургайской области М.М. Эверсман утверждал, что сосредоточение религиозных вопросов в ведении областной администрации является «вполне удобным и весьма целесообразным как в видах наилучшего и ближайшего контроля за дея-

тельностью местного магометанского духовенства, так и возможности надлежащего его подбора...» Губернатор указывал, что учреждение особого духовного управления для казахов и тем более включение их в сферу деятельности Оренбургского мусульманского духовного собрания нецелесообразно, поскольку «такое включение подчинило бы мулл-киргизов и не зараженных пока мусульманским фанатизмом казахов влиянию фанатиков-татар». М.М. Эверсман предлагал внести в порядок управления духовными делами казахов только две поправки: «1) разрешить киргизам увеличить число мулл до одного на аул, вместо разрешенных теперь по одному на волость в видах борьбы с появлением тайных духовных лиц среди киргизов; 2) установить обязательное введение муллами метрических книг в устранение многих неудобств...» [6, с. 290].

Аналогичной точки зрения придерживался военный губернатор Уральской области М.Д. Мордвинов, который считал, что «главной задачей русской государственной власти в области мусульманских воздействий на местное население» должно стать «устранение чуждого зауральской степи татарского элемента и уменьшение престижа мусульманского духовенства». Поэтому он предлагал не вмешиваться кардинальным образом в ситуацию, имевшую место в казахской степи, а именно: не создавать специального муфтията для казахов и «не озабочиваться тем, чтобы учителя в мектебах и медресе хорошо знали догматы ислама» [6, с. 294].

МВД и его Департамент духовных дел иностранных исповеданий лавировали между позицией региональных органов власти и казахской религиозной общественностью, предлагая создать не одно, а несколько таких управлений «для всех ветвей киргизского племени», например, в Уральске, Иргизе, Акмолинске, соответственно дроблению киргиз по ордам: Букеевской, Малой, Средней, «в видах предупреждения племенной сплоченности этих кочевников» [6, с. 299–300]. Очевидно, что

данные инициативы МВД преследовали все ту же цель – дезинтегрировать казахское мусульманское движение и вычленив его из общероссийского.

В отношении Туркестана Особое совещание при выработке окончательного решения руководствовалось рекомендациями генерал-губернатора края Н.Н. Тевяшева. Последний высказался как против присоединения туркестанских мусульман к Оренбургскому мусульманскому духовному собранию, так и против создания отдельного духовного правления. Одним из аргументов в пользу этого решения был и тот факт, что вплоть до созыва Государственной думы почти все инициативы по упорядочению управления духовными делами туркестанских мусульман исходили от высшей администрации края. Отсутствие ходатайств со стороны местного мусульманского населения свидетельствовало, по мнению руководства, о том, что существующее положение их вполне удовлетворяло [7].

В течение нескольких лет работы Особого совещания к 1914 г. им было принято Положение по вопросам управления духовными делами мусульман, согласно которому Оренбургский и Таврический муфтиаты были сохранены в их территориальных границах. Для регионов, которые

не входили в компетенцию этих мусульманских институтов, не предусматривалось образования новых духовных правлений. Таким образом, Особое совещание, признав со своей стороны «существенно важным противодействовать стремлению магометан к объединению на почве религиозных интересов», так и «...не наметило каких-либо существенных преобразований в области управления духовными делами мусульман», в том числе мусульман Степного края и Туркестана [6, с. 301–302].

Таким образом, вопрос о создании отдельного управления религиозными делами мусульман центральноазиатских национальных окраин Российской империи занимал центральное место в системе администрирования. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. в рамках общеимперского законодательства, создавшего систему ограничений интеграции мусульман Степного края и Туркестана в общеимперское мусульманское движение, этот вопрос так и не был решен положительно. Данная политика России объяснялась ростом общей численности мусульман империи и появлением охранительных мотивов в ее внутренней политике, призванных обеспечить территориальную целостность государства.

Библиографический список

1. Устав духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11, ч. 1. 406 с.
2. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2001.
3. Лысенко Ю.А., Тарасова Е.В., Анисимова И.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2014.
4. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2011.
5. Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. №4.
6. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2001.
7. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): документы и извлечения / под ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. Док. №107, 119.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 613.
9. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 594.